Девочкам понравилась новая игровая площадка, особенно после того как были показаны ее возможности, а вот их матери были не в восторге, особенно Кеори. Хотя простые мячи не могли навредить ребенку, особенно на первых уровнях, но разыгравшись и видя наглядное подтверждение своим успехам, когда поднимаются уровни сложности, мы не сразу заметили небольшие с нашей точки зрения проблемы. Пусть падение на деревянные доски намного лучше, чем на каменные плиты, но даже так, от частого столкновения локтей и коленок с полом, у нас появилось большое количество ссадин.

Мне с Наруко, с нашей повышенной регенерацией, было плевать на царапины и небольшие синяки, но все эти падения наглядно отобразились у Карин, за что были наказаны все мы вместе. Вот только зря Кеори запретила своей дочери играть с нами в мяч, ведь уже на следующий день Карин присоединилась к нам, сбежав из-под домашнего ареста.

Хотя мы не знали про наказание, нам тоже досталось за то, что позволили ей играть с нами, и Кеори не успокоилась даже после того как Карин показала матери намотанные бинты на локтях и коленках. Из-за возникших разногласий доступ к кубу запретили нам всем, пока мать с дочерью не смогли договориться.

Теперь за нашими играми будет всегда кто-то приглядывать, а после мы в обязательном порядке должны были проходить осмотр у Кеори, и не дай Ками, если у нас найдут что-то больше чем царапина. Пусть это решение было не лучшим, так как мы не сможем выкладываться по полной, но даже так мы смогли получить выгоды. Во время дежурства Кушины мы могли дурачиться еще больше, ведь она не оставалась наблюдателем, а присоединялась к нам, из-за чего нам приходилось объединяться против сильного соперника.

С Кушиной детям было проще найти общий язык, ведь не смотря на то, что она получила воспитание от Мито, а после стала матерью, красный перчик осталась такой же пацанкой, предпочитающей помахать кулаками вместо того, чтобы сидеть на месте и заниматься монотонной работой. Мне даже иногда становиться страшно какой может вырасти Наруко с такой матерью, у которой ментальный возраст похоже не увеличился, а наоборот откатился назад. Видя же их вместе, когда те пытаются учиться, становиться спокойнее, ведь Кушина зная все возможные уловки, не дает Наруко сачковать, при этом она старается объяснить дочери новый материал простым языком, из-за чего ей самой приходиться дополнительно учиться.

А вообще, у нас появилось некоторое подобие распорядка дня, хотя и весьма условное. Из-за того что мы с Наруко утром находимся в пределах деревни, нам приходиться выполнять простую зарядку самостоятельно и только днем, если у нас получается пробраться в лагерь, мы можем по настоящему заняться собой. Перво-наперво мы приступаем к медитации в стиле Узумаки. Перебирая выращенные цепи, мы пытаемся, как можно более подробно запомнить ее структуру, и только после того, как сознание настраивается на нужный лад, мы наполняем цепь чакрой, стараясь не только ощутить каждое звено, но и почувствовать в них свою чакру.

Пока от нас не требуют создавать свою цепь чакры, но уже сейчас мы тренируемся выпускать чакру наружу, стараясь придать ей плотность за счет контроля и количества. Мне в этом плане в какой-то степени проще за счет хорошего контроля, но даже так мне все еще не привычно выпускать сырую чакру без каких-либо формул. Со временем я, наверное, приноровлюсь

работать на голом контроле, а сейчас же я ограниченный количеством чакры в своем теле, учусь создавать небольшие и простые фигуры, развивая, таким образом, свое пространственное воображение.

После того как наша пятая точка онемеет от неподвижного сидения, мы переключаемся на гимнастику, чтобы разогнать кровь по венам и разогреть мышцы перед активными играми. Анко показала мне, в какие узлы может завязаться человеческое тело, поэтому мне приходиться попотеть, чтобы при нашей следующей встрече с ней, меня насильно не скручивали буквой зю, наказывая так за лень, перед тем как показать новое упражнение.

А вообще встречи со змейкой стали для меня некоей отдушиной. Жалко только, что видеться мы могли не часто, ведь ее свободное время приходилось в основном на ночь. Ее детство и работа в отделе дознаний выработали у девушки, на грани приличия, черный юмор, и при этом, рассказывая о смешных для нее случаях, она иногда забывала, что перед ней ребенок.

Из ее рассказов и недомолвок я узнал, что Анко после расставания с Орочимару прописалась в отделе дознаний. Поначалу она находилась в отделе как подозреваемая в сговоре, а после осталась там подрабатывать, общаясь с людьми, которые знали о прошлом Анко, и поэтому не шептались у нее за спиной, видя за ее возведенным фасадом, девушку с непростой судьбой.

Анко поначалу хотела припрячь меня, как свою личную домработницу, за то, что она будет проводить со мной много времени и ей якобы будет некогда самой убраться. Я же ее обломал, когда пригрозил, что больше никогда не принесу ей данго или другие сладости, раз она выбрала такой способ оплаты. Единственное на чем мы сошлись, так это на том, что я буду ей помогать с готовкой, взамен и сам буду вместе с ней питаться.

После гимнастики мы отправлялись играть, то есть тренироваться в кубе. Когда же выпадали дни, что за нами некому было приглядывать, мы отправлялись в лес, играть в прятки. Когда один из нас прятался, другие двое должны были найти его и побеждал тот, кто делал это быстрее. По-хорошему, за несколько раз мы должны были выучить весь предоставленный для игр участок досконально, но вот только мы прятались хорошо, если раз в неделю. Пока же мы отсутствовали в лесу, за это время местные обитатели затаптывали прошлые наши следы, создавая свои тропки. Поэтому, как в первый раз, так и в последующие разы, было тяжело не оставлять за собой следов, на обновленной территории. К тому же, с каждым разом нам удавалось все лучше искать признаки, что тут кто-то недавно прошел, из-за чего прячущимся приходилось еще больше стараться, остаться незамеченным.

После игр у нас наступало время, когда нам приходилось, борясь со сном, загружать свою голову новыми знаниями, и лучше, если их будет больше. Хотя учеба у нас изначально планировалась на первую половину дня, нам приходилось учиться в свободное время из-за того, что мы редко когда могли попасть в лагерь сразу после завтрака. Больше всех на занятиях страдала Наруко, так как ей приходилось не только учить новый материал, но и наверстывать пропущенное время, когда ее ничему не учили. И все это нужно было сделать, перед тем как мы попадем в академию. Кушина не хотела, чтобы над ее дочерью кто-то смеялся из-за ее неграмотности, поэтому Наруко и оставалось, что грызть гранит науки и просить добавки.

После уроков, наступает время индивидуальных занятий, если на них еще оставались силы. Как уже говорил, Наруко на них подтягивает свои знания, а Карин занимается с матерью медициной. Я же, вечера провожу с книжкой в руках, читая то, что мне посоветовала Ноно. Полученные от Кеори медицинские техники я палить пока не собираюсь, а вот оказать первую помощь я мог не таясь. Перевязывая рану или накладывая пластырь, я всегда смогу, таким образом, незаметно кинуть исцеление, но это все только в крайнем случае, ведь в этом мире смерти бывают чаще, чем серьезные ранения.

А вообще, Карин единственная, кто страдает не за что, а только за компанию, ведь ей не нужно было поступать вместе с нами в академию в следующе году. Да, я хотел сделать так, чтобы она училась вместе с нами, но обстоятельства оказались против меня. Пусть сейчас мы не сможем стать одноклассниками, но я не опускаю рук, ведь уже создан новый план как нам поселить Карин в деревне, точнее даже два плана. Если нам не помогут Хьюга, задолжавшие мне как минимум одну жизнь, через которых мы легализуем девочку, то придется мне приезжать в образе Кузьмы в Коноху, в сопровождении ученицы. Второй план был резервным, и это было все, что мы смогли придумать на скорую руку. А все потому, что все может быть переиграно, если Карин за эти годы передумает поступать в академию, а решит жить в новой деревне или где-нибудь еще. Но какое бы решение не было принято, это будет ее выбор и ее матери.

http://tl.rulate.ru/book/87572/3349008